

“Я слишком много знал”». Уже достаточно давно бен Ладен стал компьютерным персонажем. Периодически что-то заявлял, показывались какие-то кадры. На которых, кстати, мелькали совершенно разные люди. А был ли он жив? Думаю, что его либо давно ликвидировали, либо этот ценный агент США получил новое лицо и паспорт и сегодня живее всех живых.

Но рано или поздно «убить» его были просто обязаны. А как иначе?

Искали двадцать лет и не нашли? Кто после этого поверит во всемогущество США? А так уж больно вовремя его «убили». Не прошло и суток после убийства внуков Каддафи, как мир отвлечен на другую сверхновость.

Стал ли мир теперь безопаснее? А с какой стати? Терроризм — мощное орудие воздействия англосаксов на конкурентов. Спецслужбы США проведут ряд терактов по миру и объяснят все это «мстью» со стороны Аль-Каиды. Где новый главарь возьмет на себя ответственность за кровь. Думаю, что все еще только начинается.

1.36. Куда заведет мировая финансовая система? Поговорим о будущем, которого не должно быть

Сегодняшний мир управляется финансами, вращается вокруг финансов и создан фактически для финансов. А это значит, что все в сегодняшнем нашем мире оценивается с финансовой точки зрения. Мы с вами живем в одной реальности, а оценки даются в другой.

Какие же это оценки? Это оценка рентабельности: рентабельность предприятия, рентабельность человека, рентабельность страны. С этой точки зрения все решения в мировой экономике нам предлагают принимать именно через призму рентабельности. Казалось бы, логично: зачем выращивать помидоры в Норильске, зачем что-то делать в природных зонах, в которых это дорого, сложно и проблемно? Пусть картошка растет в Египте, зачем ей расти в Сибири, а сибиряки будут эту картошку просто покупать. Казалось бы, все это логично-прелогично. Но давайте посмотрим, куда нас эта логика заведет. Если мы все свои действия оцениваем с точки зрения рентабельности, то первым выводом, к которому мы приходим, будет следующий: нерентабельное предприятие в своей стране нужно не развивать, а перенести туда, где оно станет рентабельным.

Таким образом, по всему миру начинают обмениваться производством. Где-то концентрируется производство картофеля, кто-то выращивают помидоры, кто-то производит вино, а кто-то, как Россия, качает нефть и газ. Казалось бы, все это логично-прелогично. Давайте двигаться за этой логикой дальше. В чем проблема мирового разделения труда, в чем опасность такого разделения для России?

Вроде бы все выглядит очень красиво: кто-то производит одно, кто-то другое, и они каким-то образом обмениваются результатами своего труда. Но если мы целые отрасли своей экономики, да фактически всю экономику, за исключением нефтегазовой трубы, решаем по причине ее нерентабельности вынести за границу нашей родины, мы сразу же теряем очень многое. Что именно?

Во-первых, теряем целую отрасль промышленности, во-вторых, профессиональное образование — а это значит, что данные отрасли в России никогда не смогут не то что развиваться, а даже и существовать. Теряется опыт, теряются ученые, теряются кадры. Нет передачи знаний от отца к сыну, от старого мастера к новому мастеру. Это значит, что таких отраслей в России больше никогда не будет. И тут начинается целая цепь негативных событий. Если вы теряете одну отрасль, это неизбежно тянет за собой потерю и других отраслей. Потому что если вы прекращаете производить станки и у вас начинает угасать тяжелое машиностроение, то предприятия, которые изготавливают для этого производства комплектующие, тоже становятся ненужными. Они тоже становятся нерентабельными, а значит — тоже должны переехать в другие страны.

Таким образом, встав на этот эскалатор, мы неизбежно скатываемся в самый низ. Мы теряем практически всю экономику, кроме нефтегазовой трубы и обслуживающей ее инфраструктуры. Очень быстро у нас ничего больше не останется. Что же в этом хорошего? Если мы отдаем, если мы переводим большую часть своей экономики за границу, мы теряем не только эту экономику, мы теряем не только воспроизводство ее развития, — мы теряем свой экономический суверенитет. Мы становимся зависимыми. Что же в этом хорошего? В этом ничего хорошего быть не может. И как, если мы встаем на эскалатор, который ведет к потере нашей промышленности, можно ее модернизировать? Никак — это два взаимоисключающих процесса. Как можно модернизировать то, что станет нерентабельно и покинет территорию страны в той или иной форме? Таким образом, включение в единую международную систему разделения труда неизбежно означает, что со временем мы потеряем практически всю

экономику России. Вслед за этим мы потеряем свой экономический суверенитет.

Давайте подумаем, что будет дальше? А дальше будет вот что. Когда в каждой стране будет производиться что-то одно или очень узкий спектр товаров и услуг, кто-то должен будет в мировом масштабе распределять, кто, сколько и где должен все это произвести. Ведь кто-то должен будет нести ответственность за то, чтобы производитель картошки в Египте получил широкоэкранный телевизор, а тот, кто производит этот телевизор, не остался бы без египетской картошки. Потому что телевизор есть нельзя, и нельзя смотреть телевидение, глядя в картошку. Кто-то ведь должен будет этим заниматься. И кто это будет делать? Давайте вспомним опыт советского прошлого. В Советском Союзе существовало такое разделение труда. Хлопком занимались в Узбекистане, сборочным цехом была Белоруссия, на Украине производили продовольствие. Все это было возможно только по одной причине: существовал единый центр принятия экономических решений в рамках единого целого, которое называлось «Советский Союз». Только поэтому такое разделение труда было возможным. Если в одном месте решаются все экономические вопросы некоего целого пространства (СССР, когда был Советский Союз, или мировой экономики в рамках нынешнего глобального мира), то это означает, что все политические решения в этом едином пространстве также будут неизбежно приниматься из единого центра. Другого варианта быть не может. Если кто-то контролирует все экономические процессы, он неизбежно приходит к необходимости контролировать политическую жизнь этого единого целого. Так и было в Советском Союзе, где все основные решения принимались вовсе не на уровне республик, а в Москве, в едином центре. То же самое неизбежно случится в мировом масштабе, если произойдет мировое разделение труда. И оценивать весь мир будет именно мировое правительство, которое вслед за мировой экономикой неизбежно начнет руководить и всей мировой политикой.

Тут впору снова задать себе вопрос: ну а что в этом такого плохого? Может быть, это и есть правильный путь развития всего человечества? Будет некое мировое правительство, которое в рамках всей планеты станет решать, кто и что должен производить с точки зрения рентабельности. И вот здесь мы приходим к самому главному моменту. В Советском Союзе планирование развития страны, планирование развития ее отдельных частей производилось вовсе не с точки зрения рентабельности. А с точки зрения интересов населения этой самой страны. Нынешний же финансовый мир управляется от-

куда? С Уолл-стрит. Какие оценки, какие мерила имеют люди, которые там работают? Исключительно рентабельность, исключительно финансовые показатели. Это значит, что мировое разделение труда, мировая экономика будет оцениваться с исключительно финансовой точки зрения, с точки зрения рентабельности. А вот к чему это приведет?

Давайте просто представим себе не такую уж далекую перспективу. Чтобы понять будущее, нужно просто вспомнить недавнее прошлое. Что случилось в России в девяностые годы? Что сейчас, например, происходит в странах Прибалтики, когда все оценивается с точки зрения рентабельности? Население становится нерентабельным. В девяностые годы не платилась зарплата, закрывалась масса предприятий. Профессор истории возил на рынок китайские пуховики. А почему? Потому что он стал нерентабельным. Его знания никому не интересны, и он должен сделать что-то, завоевать себе право на жизнь путем завоевания своей собственной профессиональной рентабельности. Вот то же самое будет происходить в рамках целой страны, только в более жестком варианте. Даже не только в рамках нашей страны, а в рамках всего земного шара.

Например, Бразилия производит кофе. Сколько нужно человек, чтобы обеспечить кофе весь мир? Пять миллионов. А сколько населения в Бразилии? В десятки раз больше. Что будет с этим населением? Хорошо, добавим к пяти еще несколько миллионов, которые будут возить людей, которые производят кофе, на работу, стричь их, кормить, обеспечивать инфраструктуру. Итак, добавляем еще пару миллионов, итого получаем семь миллионов. А что будет с остальным населением? Оно нерентабельно, оно не нужно.

Что будет в России? Сколько нужно человек, чтобы обеспечить бесперебойную работу нефтегазовой трубы? Пятнадцать миллионов. Еще несколько миллионов для того, чтобы кормить, возить газовиков и нефтяников на месторождения, охранять их, поддерживать порядок, убирать улицы. Это еще десять миллионов, итого получается двадцать пять. В России на сегодняшний день около ста сорока миллионов человек. Что будет с остальными? Они нерентабельны, а значит, они не нужны.

Это кажется фантастикой, но это произойдет очень быстро. В течение одного-двух поколений мировое правительство, которое будет принимать экономические, а значит, и политические решения в рамках всего мира, неизбежно начнет сокращать нерентабельное население. Что еще с ним делать? Будет это называться красивым словом «оптимизация».

Население начнет оптимизироваться. Мы это процесс сейчас видим в рамках целого континента — это Африка, превратившаяся в некое гетто, в котором целое население оценивается только с точки зрения рентабельности. Вот есть рентабельные страны — это страны, в которых есть нефть, в них люди живут неплохо. А есть страны нерентабельные, в которых нефти нет, и в них население голодает. Почему? Потому, что мировое сообщество настолько жестокосердечно? Нет, просто потому, что это население нерентабельно. Это естественный процесс.

И вот то, что мы все наблюдаем в рамках целого континента, где нерентабельное население голодает, умирает от болезней, вырождается и попросту сходит на нет, — все это будет происходить в пределах гетто под названием «планета Земля». А значит, и на территории нашей страны. Этот процесс неизбежен — если вы говорите «а», то неизбежно дойдете до буквы «я». В этой парадигме «а» — это переход на оценку всего с точки зрения рентабельности, а «я» — оптимизация нерентабельного населения.

Нужно развеять несколько мифов, связанных с этой темой, потому что это очень важно. Миф первый: работники, которые уволены с нерентабельного предприятия, найдут работу на новом предприятии, которое будет рентабельно. Ничего подобного. Откуда возьмется это новое рентабельное предприятие? Кто мешал старое предприятие сделать рентабельным? Нужно понять, что если вы отдадите за границу всю свою экономику, новых предприятий у вас не появится. У вас будет развиваться только та отрасль, которую мировое правительство посчитало рентабельной на вашей территории. У нас это газ, нефть и все, что связано с добычей углеводородов. Поэтому не появится у вас нового технологичного рентабельного предприятия, оно не нужно здесь, потому что оно рентабельно в другом месте. Его развивают там сейчас и будут развивать дальше. А это значит, что работники, которые будут уволены с закрывшегося нерентабельного предприятия, не найдут себе никакой работы. И через некоторое время, как и сегодняшнее нерентабельное население Африки, начнут деградировать и вымирать, и этот процесс неизбежен.

Второй миф, который хочется развеять, — это то, что наличие у нас ядерного оружия поможет нам избежать этого страшного негативного развития событий. Но это не поможет, потому что через некоторое время начнутся разговоры о том, что и ядерное оружие нерентабельно. Оно же не приносит никакой прибыли, а съедает огромное количество средств. И нам будет предложено его ликвидировать. Да и просто вспомните, когда страна, не имеющая экономического суверенитета,

имела полный политический суверенитет? Такого в истории никогда не было. А это значит, что наше ядерное оружие неизбежно будет ликвидировано либо управление им окажется передано в руки того, кто управляет всей мировой экономикой и всей мировой политикой. Ядерное оружие защищает нас только в паре с полным экономическим и политическим суверенитетом страны. Отдельно, в государстве, которое потеряло свой суверенитет, защитить страну оно не сможет.

И наконец, миф третий. Все то, о чем мы говорили, — это плод воспаленного воображения, это чистая конспирология, в приличном обществе об этом даже и говорить не стоит. Нет, логика истории неумолима. Все это обязательно будет, никуда от этого не деться. Мировое правительство начнет оценивать каждую страну исключительно с точки зрения рентабельности.

Вот вы сейчас сидите в теплом офисе, вы руководитель банка, работаете на бирже, у вас хорошая зарплата, вы уважаемый человек. Вы рентабельны. А можете ли вы быть уверены, что ваши дети и внуки будут рентабельны так же, как вы сегодня? Можете ли вы быть уверены, что ваши дети и внуки не будут вынуждены доказывать свою рентабельность, а значит, свое право на существование мировому правительству? Нет. Я думаю, что уверенным в этом нельзя быть никому. А значит, нам нужен свой собственный российский центр принятия экономических и политических решений. Это значит, что нам нужен экономический и политический суверенитет. Это значит, что мы не имеем права передавать его в руки неизвестных дядей с Уолл-стрит. Это значит, что нам нужно просто задуматься над нашим будущем. Нужно просто посмотреть на несколько шагов вперед. В восьмидесятые годы, когда мы все захотели рынка, мы не думали, что через несколько десятилетий это нанесет удар по нашим детям. Точно так же и сегодняшнее решение о вступление в международные институты, вступление в ВТО, вступление на этот эскалатор мирового разделения труда неизбежно нанесет удар. В лучшем случае — по нашим внукам. В худшем — уже по нашим детям.

Задумайтесь над этим, пожалуйста.